

de saera, oignon) [7: 153]. Знайдено також свідчення іншого словника про те, що сама рослина (*цибуля*) є за походженням з Сибіру [8: 225].

Таким чином, неповний перелік наче б то одвічних одиниць української лексики, спільних з французькими лексемами давніх часів на фоні індоєвропейських коренів, іноді через посередництво інших мов, дозволяє мати дещо ширшу панораму гуманітарних стосунків різних народів та формування різних мов і з певною користю може слугувати справі навчання іноземній мові.

Джерела та література

1. Трубочев О. Н. Несколько древних латинко-славянских параллелей. Этимология // Наука. – М., 1973. – С. 3-16.
2. Сучасний словник-мінімум іношомовних слів. – К.: Довіра, 2002.
3. Етимологічний словник української мови, т. 1.
4. Сучасний тлумачний словник української мови. – Х., 2006.
5. Le petit Robert, Paris, 1969.
6. Юдин-Рипун И. Н. Краткий семантико-этимологический справочник: славистика и романо-германистика. – К, 2004.
7. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire d'étymologie. Larousse, Paris, 2001.
8. Dictionnaire encyclopédique des noms communs, Larousse Paris, 1994.

Руденко Н. А.

«ОБМАНУТЬ» И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ НА УРОВНЕ РЕЧИ

Наше исследование выполнено в рамках функционального подхода к изучению языка. Изложим здесь его некоторые положения.

В основе понимания «функции» лежит принцип специализации и назначения. Функция реалии – это то, что порождает ее существование, то, для чего эта реалия предназначена. Язык с точки зрения функционального подхода – это не система знаков, а орудие регуляции, имеющее знаковую природу. Идеальная система социальномного опыта – и это принципиально для функциональной семантики – является одной из форм существования подсистемы номинации естественного языка – формой существования на уровне языковой абстракции. На уровне типов система номинации эксплицируется множеством слов и словосочетаний. При этом предназначением этой знаковой по природе сущности является номинация.

Один и тот же сигнификат в различных ситуациях может быть эксплицирован на уровне типов различными знаками – словами и словосочетаниями. Их выбор зависит только от говорящего, от целей его речевого акта, от его понимания ситуации, в которой он находится (здесь учитывается и количество реципиентов, и их личностные характеристики, мотивы, потребности и т. д.). Иначе «коммуникация вполне может оказаться неудачной как в процессе кодирования, если отправитель выбирает языковые выражения, которые неадекватно отражают то, что он хочет передать, так и в том случае, когда получатель декодирует нечто, отличное от того, что имел в виду отправитель» [2; с. 94].

Очень ярким примером неудачного выбора экспликации сигнификата может послужить пример, приведенный Р. М. Блакаром: «когда мы слышим вне контекста высказывание Peter beat John [Питер побил Джона. – Н. Р.], невозможно понять, то ли Питер выиграл забег, в котором они оба участвовали, то ли он ударил Джона палкой» [2; с. 93].

Следовательно, для реализации регулятивной функции языка подсистема номинации устроена так, чтобы один сигнификат имел несколько вариантов экспликации в различных ситуациях номинации.

Причиной существования множества вариантов экспликации семантемы (единицы системы номинации) на уровне типов является существование множества различных типовых ситуаций, в которых семантема должна быть реализована. С этой особенностью реализации вариантов семантемы связано понятие «позиция», которую А. Н. Рудяков определяет как «совокупность условий, определяющих осуществляемый говорящим выбор одного из возможных способов экспликации языкового понятия» [13; с. 79].

Проиллюстрируем это положение примером: допустим, Вас кто-то пригласил поучаствовать в чем-л. Кто-то третий, оценивая это что-л., может сказать либо: его *вовлекли* в дело (положительная оценка), либо: его *втянули* в это (негативная оценка). На наш взгляд, некоторые элементарные знания в области устройства и «работы» языка (с функциональных позиций) и в области психологии породили такое многообразие книг типа «Как стать успешным человеком», «Как добиться успеха», «Искусство убеждения», «Как стать настоящим...» и т. п.

Проблема создания типологии позиций, способной объяснять и прогнозировать выбор конкретного варианта семантемы в конкретной ситуации номинации, является одной из самых важных задач функциональной семантики [13].

Предлагаемая работа является частью диссертационного исследования, посвященного функционально-семантическому описанию лексической группы «нефизическое воздействие на человека», которое предполагает три этапа: 1) от формы к содержанию; 2) от содержания к средствам выражения; 3) от содержания к средствам выражения в конкретной позиции.

На первом этапе основным инструментом исследования становится компонентный анализ, итогом которого «является собственно лингвистическая форма представления на уровне языковой абстракции системы языковых (регулятивно предназначенных) понятий – иерархия семантем, существующих на этом уровне языка в форме иерархически упорядоченного набора сем» [13; с. 119].

Второй этап – это компонентный синтез. «Итогом компонентного синтеза является «собственно языковая» форма существования лексики естественного языка – множество слов и словосочетаний» [13; с. 119].

Третий этап – это этап движения «от содержания к средствам выражения в конкретной позиции», предполагающий моделирование иной формы существования семантемы – её существование на уровне речи.

Целью предлагаемой статьи является попытка создания на основе полученных ранее результатов [11; с. 12] типологии позиций лексической группы со значением «обмануть», которая является частью лексической группы «нефизическое воздействие на человека».

Для создания типологии позиций и наблюдением над реализацией семантемы «обмануть» на уровне речи мы обратились в основном к текстам современных авторов (А. Маринина, Д. Донцова, В. Смирнов, Т. Полякова, С. Лукьяненко, В. Васильев и др.).

Результаты компонентного анализа дают нам семную структуру соответствующего языкового понятия: 'оказать нефизическое воздействие на сознание человека путем предоставления заведомо ложной или искаженной информации с целью создания выгодных для себя условий'.

Основным вариантом реализации семантемы на уровне типов является семема «обмануть», которая на уровне речи употребляется в стилистически нейтральном тексте, без коннотации. Например:

«А если *обману*, не принесу денег? Все ведь уже сделано будет» [7; с. 5].

В словаре синонимов русского языка для слова *обмануть* в качестве синонима приведено слово *лгать*. Рассмотрим его употребление в речи.

Если кто-то сказал неправду, то, конечно, уместным окажется употребление как одной, так и второй семемы. Но рассмотрим еще один пример: какой-то человек продал другому некачественный товар. В такой ситуации возможно использование только семемы «обмануть»: продавец обманул покупателя (но не оболгал!). Семема же «лгать» может быть употреблена лишь в том случае, когда речь идет непосредственно о процессе говорения. Например:

«Он (отец) опять заговорил о тотализаторе, о выигрышах, о какой-то шляпе из панамской соломы, за которую он вчера заплатил 16 рублей. *Лгал* он с таким же аппетитом, с каким ел селёдку и пил. Сын молча высидел час и стал прощаться» [17; с. 274].

Функционально тождественно слову *лгать* словосочетание *говорить неправду*:

«– Вы не должны думать об Олеге плохо. Он не работал в частной охране.

– *Врал*, значит? – усмехнулась Ира.

– Нет, – *скрывал правду* в интересах службы. – Вы меня понимаете?

– Так он из милиции, что ли?...

– Не совсем. Мы с ним работали в ФСБ. Сами понимаете, об этом не кричат на каждом углу, поэтому в нашей среде принято *говорить о себе неправду*» [8; с. 237].

Приведем пример, в котором функционально тождественным этому словосочетанию является слово *выдумать*, обычно употребляющееся в одном из значений: «1. Придумать, изобрести. 2. Измыслить то, чего нет, не было, придумать» [9].

«Если хотите о чем-то умолчать – молчите, только, ради Бога, *ничего не выдумывайте*. На лжи поймать легче всего, и потом обычно начинаются неприятности даже у тех, кто ни в чем не виноват, кроме того, что один раз *соврал*» [8; с. 252].

В данном случае к значению 'придумать то, чего нет, не было' контекст добавляет сему 'обмана' посредством употребления слов «ложь», «соврал».

«Стилистические параметры слов выступают в качестве идентификаторов коммуникативного намерения [Трошина Н. Н., цит. по 5; с. 132]. Так, например, семема «врать», тождественная семемам «лгать» и «говорить неправду» по семантике, стилистически ограничена (употребляется в разговорной речи):

«Я смотрела, как он суетится, подгоняя секретаршу, как вытаскивает из сейфа коробку шоколадных конфет, и, выслушивая совершенно ненужную мне историю о том, как доблестные подчиненные Вени обезвредили на днях матерого преступника, внезапно поняла: *врет*» [3; с. 87].

Не менее интересна семема «напеть», реализующая семантему «обмануть» в следующем контексте:

«Ташков запнулся. Выходит, Терехина не знает, где работал Олег. Что он ей *напел*? И главное – зачем? Можно ли сказать правду или следует *выкручиваться*, чтобы она ничего не заподозрила?» [8; с. 234].

Обратившись к словарю, мы не найдем ни одного сколько-нибудь подходящего толкования для данного контекста лексемы «напеть»: «1. Передать голосом напев, мелодию; 2. Произвести звуковую запись своего пения на пластинку, пленку (спец.); 3. Спеть много (песен, арий и т. п.)» [9]. Тем не менее в данном контексте семема «напеть» реализует семантему «обмануть» (на наш взгляд, такое означаемое могло возникнуть от фразеологизма «заливаться соловьем» (шутл.) – говорить красноречиво, с увлечением [16]) и несет в себе несколько иронический характер.

Стилистическое значение слов (дурить, морочить голову, околпачить, лопухнуть и др.) определяет их эмоциональную окраску. «Ее можно рассматривать в аспекте базовых категорий речевого воздействия: «удовлетворительно – неудовлетворительно», «добро – зло», «приемлемо – неприемлемо». Таким образом, стилистические параметры свидетельствуют об определенной ценностной ориентации говорящего и воздействуют на те или иные установки слушающего» [5; с. 133].

Так, рассмотрим несколько примеров:

«А теперь смотри, что получается. Волохов *дурит* свою любовницу Смирнягину и водит ее к себе домой, при этом уверяя, что это квартира его друга, уехавшего в заграникомандировку» [8; с. 400].

Не свойственное литературной речи слово «дурит» в данном контексте подчеркивает негативное и несколько пренебрежительное отношение говорящего к происходящему.

Подобную роль играет и слово «лопухнуть» в следующем отрывке:

«А, – хмыкнула подруга, – есть сто способов, как *лопухнуть* работодателя, и мои служащие отчего-то очень быстро их осваивают» [3; с. 8].

Причем следует отметить, что попытка замены этих подобных и семантически, и стилистически семем одну на другую и наоборот окажется невозможной. Семема «дурить» может быть использована в слово-

сочетании «дурить работодателя», а вот семема «лопухнуть» никак не может быть использована в первом контексте. В семеме «дурить» выделяются семы 'обман', 'ложь', а семема «лопухнуть» содержит в себе еще и сему 'выгоды', 'наживы', 'получения чего-л. в результате обмана'.

Очень близка к семеме «лопухнуть» семема «жульничать», «заниматься жульничеством»:

«И что напишем? Сотрудник Ночного Дозора слегка усилил в человеке неприязнь к обману?

– Тем самым нарушая установленный баланс, – отчеканил ведьмак.

– Неужели? А в чем беда для Тьмы? Если парень вдруг бросит *заниматься* мелким *жульничеством*, то его жизнь неизбежно ухудшится. Более моральный, но более несчастный. Согласно комментариям к соглашению о балансе сил – это не считается нарушением баланса» [6; с. 31].

Но в «жульничать» сема 'наживы', 'выгоды' занимает более высокий уровень иерархии в значении слова, а значит, несет более негативную окраску. «Лопухнуть» – больше пренебрежительную.

На уровне речи исследуемое нами языковое понятие может быть реализовано не только словами и словосочетаниями, но и фразеологическими оборотами. Например:

«К счастью, хоть Сайлас не знал, кем на самом деле был Тибинг. Монаха ничего не стоило *обвести вокруг пальца*, заставить поверить в то, что Реми действительно связывает заложника на заднем сиденье лимузина. Когда подняли звукопроницаемую перегородку между водительским креслом и остальной частью салона, Тибинг позвонил Сайласу, сидевшему рядом с водителем, убеждая, что это не кто иной, как Учитель, и велел Сайласу укрыться в лондонской резиденции «Опус Деи». Ну а затем было достаточно одного звонка в полицию, чтобы устранить уже не нужного монаха» [1; с. 226].

Значение фразеологизма («ловко и хитро обманывать») актуализируется в тексте посредством выражений «заставить поверить», «заговорил с сильным французским акцентом», «убеждая, что это не кто иной, как Учитель».

Контекст способен не только актуализировать значение манифестатора, но и придать ему дополнительное значение:

«А дело-то, все знают, у него было наитруднейшее, такого, думается, ни у кого не было и нет. Раздать, расчленив государственную общественную собственность, да так, чтобы каждой сестре досталось по сережке и чтобы «сестры» не заметили, как вместо сережки им *навесили дырки от бубликов*» [«Правда», 1994, 23 ноября].

Здесь мы видим, что выражение «навесить дырки от бубликов», эксплицирующее семантему «обмануть», является ключевым в тексте, отображает замысел автора. При этом сам текст несет в себе коннотативное значение иронии, выраженное словами «наитруднейшее дело», «такого, думается, ни у кого не было и нет» и др., и придает такое же значение манифестатору.

Рассмотрим диалог:

«Совершенно забыв, что нахожусь в чужом доме, я моментально схватила трубку.

– Алло.

– Надька, – затарахтел высокий голос, – ну ты, блин даешь, заболела, что ли?

– Да, – на всякий случай осторожно сказала я, – простудилась!

– Эй, Надька, это ты? – настороженно спросило сопрано. – Что у тебя с голосом?

Я быстро зажала пальцами нос и прогундосила:

– Что, что, насморк, а кто это?

– Я, не узнала?

– Нет.

– Ну ты даешь!

– Извини, только мне уши заложило от простуды, кто это?

– Дина.

– А-а-а, – протянула я, – привет, как дела?

– Совсем обалдела, – проревела собеседница, – я жду тебя с самого утра! Если передумала деньги давать, так и скажи, нечего *из меня кретинку делать!*» [3; с. 52]

Адресант заподозрил, что его обманывают. Реакция – негатив. Словосочетанием «делать кретинку из кого-л.» (тут могут быть функциональные эквиваленты «делать дуру, идиотку и под.» в зависимости от личностных характеристик субъекта говорения) подчеркивается негодование говорящего, его абсолютно негативная реакция на исходные события. Такое значение усиливается и синтаксисом текста (восклицательные предложения), и лексикой (*проревела* и др.). Таким образом, в данном варианте семантемы «обмануть» содержится сема 'открыто, нагло' (= реципиент раскрыл замысел говорящего) в отличие от рассматриваемого ранее фразеологизма «обводить вокруг пальца», содержащего семы 'искусно', 'ловко' (=коммуникативная задача удалась).

Немного меньшую негативную окраску несет в себе фразеологизм «водить за нос»:

«Будешь искать клад?

– Конечно.

– Ладно, – кивнула я. – Ищи на здоровье. Но взамен пойдешь к следователю и все расскажешь.

...Обещаешь, что все расскажешь следователю?

– Как только получу клад.

– А мне ты не мог бы рассказать по-дружески?

– Нет, принцесса, тогда клад обесценится.

– Подожди, – нахмурилась я, подозревая, что карлик *водит* меня *за нос*» [10, 116].

Некоторые варианты семантемы «обмануть» несут в себе конкретизирующее значение. Например, 'способ обмана': «обвесить» – (способ обмана – вес), «обмерить» (способ обмана – мерка), «обсчитать» (способ обмана –

счет) и под.; средство обмана: «оклеветать» – клевета, «оговорить» – наговор и под. Проиллюстрируем примерами:

«Откуда такие гнусные измышления? – насторожилась Танька.

– От Эдуарда Васильевича.

– Твоего приставучего хозяина? Он *клеветает* на мою родню» [10; с. 141].

«Вот что, иди отсюда. Ничего я тебе не говорила, так и знай. Отопрусь от любых слов, здесь он был, здесь. А его по злобе *оговорила*. Ревнивая я» [10; с. 271].

Сема 'представить ложные факты посредством каких-л. действий' содержится в манифестаторах семантемы «обмануть», реализованных в следующих контекстах:

«А объект размена – Антон Городецкий, любимчик Завулونا. Это без сомнения. Невозможно пользоваться им бесконечно – шеф Дневного Дозора прекрасно это понимает. Да и не факт, что удастся пользоваться... Завулон всегда готов *сделать хорошую мину при плохой игре* и представить дело так, будто обманул Светлого мага...» [7; с. 231]. Контекст актуализирует значение выражения «сделать хорошую мину при плохой игре» посредством словосочетаний «представить дело» и «обманул мага», а также «не факт, что удастся пользоваться».

«К самой Ирине Терёхиной у милиции никакого интереса быть не может, в этом он был твёрдо уверен. Если приходили, то не иначе как по поводу «казанских», только *камуфлях хороший навели*, Ирка и не почувствовала ничего» [8; с. 188]. Такой вариант семантемы скорее всего может быть использован людьми, каким-то образом относящихся к военной деятельности или деятельности органов безопасности. Об этом свидетельствует употребление лексемы «камуфляж», являющейся специфичной для подобного контекста.

«В сущности получилось не совсем так, но схема все равно сработала... Но это не спасло ситуацию, потому что *спектакль*, срежиссированный и поставленный в расчете на доверчивую сестричку, был *разыгран* весьма профессионально. И Миша купился» [8; с. 209]. Исходное значение актуализируется окружением экспликатора: «срегиссированный и поставленный», «в расчете на доверчивую», «купился».

Итак, в предлагаемой статье мы рассмотрели варианты экспликации семантемы «обмануть» на уровне речи. Выбор каждого из них зависит от установки говорящего, его индивидуальных особенностей (уровня культуры, психологического состояния и т. п.), коммуникативной ситуации и под.

Список использованной литературы

1. Браун Д. Код да Винчи. – М.: АСТ, 2004. – 250 с.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс. – 1987. – С. 88-126.
3. Донцова Д. А. Привидение в кроссовках: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 320 с.
4. Захарцова Н. А. Функционально-семантическое описание лексической группы «нефизическое воздействие на человека» // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: X Международная конференция по функциональной лингвистике: Сб. науч. докладов. – Симферополь, 2003. – С. 128-131.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2002. – 284 с.
6. Лукьяненко С. Ночной дозор. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 298 с.
7. Лукьяненко С., Васильев В. Дневной дозор. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 1999. – 289 с.
8. Маринина А. Б. Иллюзия греха: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 512 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
10. Полякова Т. В. Мавр сделал свое дело: Роман. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
11. Руденко Н. А. Компонентный анализ лексической группы «нефизическое воздействие на человека» // Ученые записки ТНУ. Серия Филология. – Симферополь, 2006. – Т. 19 (58). – № 4. – С. 172-176.
12. Руденко Н. А. Компонентный синтез лексической группы глаголов со значением «нефизическое воздействие на человека» // www.rusist.od.ua/members.php
13. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. – 224 с.
14. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
15. Смирнов В. П. Как на Дерibasовской угол Решильевской. – Одесса: Киноцентр, 1993. – 192 с.
16. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1987. – 543 с.
17. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т.: Сочинения: В 18-ти т. – М., 1974-1983. – Т. 6.

Руденко С. М.

ЛІНГВІСТИЧНІ ЗНАКИ-ПЕРСОНАЛІЇ, ЛОКАТИВИ ТА ІНСТРУМЕНТАТИВИ ГЛЮТОНІЧНОГО ФРЕЙМУ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Важливим складником концептуальної харчова картина світу.

Мовна об'єктивація глютонічної картини світу відбувається за допомогою **глютонімів** (від лат. *gluttio* – ковтати, споживати) – лінгвістичних знаків з широким спектром плану вираження (від слова до тексту) та плану змісту (відображення харчової картини світу в складі гастрономічного, домашньої кулінарії, обрядового, конфесійного, медичного, економічного, рекламного, соціального, політичного, історичного, естетичного, етнологічного, демографічного, гендерного та ін. фреймів).

На жаль, дослідженню цього мовного утворення в українській лінгвістиці практично не приділялося уваги, тоді як російські дослідники (І. С. Луговинова, А. В. Олянич, М. В. Китайгородська, Н. Н. Розанова, А. В. Занадворова, Е. Хоффманн, Д. Вайс, О. С. Иссерс [1; 2; 3]) торкалися деяких аспектів цієї важливої теми.

Найбільшої уваги, на нашу думку, заслуговує розгляд лінгвістичних знаків, які входять до складу спільного сегменту фреймів домашньої кулінарії та гастрономічного (далі – ГДК-фрейм).

Ядерна зона ГДК-фрейму представлена чисельною групою лінгвістичних знаків – власне глютонімів. Це назви сировини, напівфабрикатів, страв, харчових продуктів, консервів, напоїв.

Периферійна зона цього фрейму складається з глютонімів-локативів та інструментативів, глютонімів-персоналій, кваліфікаторів, глютонімів-перцептивів, кваліфікативів та емотивів, глютонімів-ідеологем та естетивів, знаків самоідентифікації, гендерних знаків, глютонімів-культурних домінант, а також директивних знаків-процесивів: дескрипторів, коментативів, регулятивів, пермісивів, лімітаторів.